С. П. Мельгуновъ.

МОСКВА И СТАРАЯ ВѢРА.

Очеркъ изъ исторіи религіозно-общественныхъ движеній на рубежѣ XVII — XVIII вв.

Цѣна 60 коп.

ЗАДРУГА

МОСКВА. 1917.

3310

2 экз.

3310

Пров. [illegible]
Академии Наук СССР

Москва и старая вѣра.

Очеркъ изъ исторіи религіозно-общественныхъ движеній на рубежѣ XVII—XVIII вв. [1]).

Трудно, быть можетъ, обозрѣвателю прошлаго перенестись въ отдаленную эпоху сѣдой старины и зажить чувствами и мыслями людей XVII столѣтія. Эти чувства и мысли, пожалуй, иногда для насъ и непонятны именно потому, что мы не можемъ оцѣнить всѣхъ душевныхъ переживаній тѣхъ отдѣльныхъ личностей, съ которыми знакомятъ насъ сухіе документы прошлаго. По архивнымъ свиткамъ не всегда можно уловить психологическіе мотивы дѣйствій тѣхъ современниковъ, о которыхъ мы судимъ. Мы подчасъ слишкомъ далеки отъ ихъ чувствъ и мыслей, и невольно современные намъ идеалы переносимъ въ отдаленное прошлое. Не потому ли „расколъ“ въ XVII в. и до сихъ поръ рисуется нашему взору въ видѣ чего-то очень коснаго? Мы слышимъ о шумной борьбѣ партій и настроеній, центромъ которой является Москва второй половины XVII вѣка: мы встрѣчаемся съ глубоко драматическими эпизодами въ описаніи этой борьбы, преисполненной мужества, героизма и страданій. И тѣмъ не менѣе какъ бы не рѣшаемся назвать наблюдаемую борьбу идейной. Скорѣе съ нѣкоторымъ разочарованіемъ закрываешь хартіи прошлаго,—съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ о томъ, что столько жизненной силы и энергіи потрачено на защиту отжившихъ идеаловъ, на защиту незыблемыхъ обычаевъ и косныхъ традицій... Передъ нами богатырь-протопопъ Аввакумъ, который боролся, страдалъ и умеръ за „едину букву азъ“. Мы готовы отдать должное его самоотверженію и личному подвигу, и въ то же время закрадывается чувство неудовлетворенія, что столь замѣчательная личность погибла въ тенетахъ предразсудковъ и фанатизма.

---

[1]) Очеркъ этотъ первоначально былъ напечатанъ въ изданіи „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“.

И мы готовы какъ бы привѣтствовать мощную руку царя-чернорабочаго, который хотя и грубо, при помощи „дубинки“, вывелъ Россію изъ летаргическаго состоянія соннаго царства, царства умственной тѣсноты и домостроевскихъ традицій.

Не таково ли въ дѣйствительности обычное представленіе наше о старой Москвѣ, столь враждебной „своевольному высокоумію и опасному вольнодумству“, властно врывающимся съ еретическаго и злокозненнаго Запада?

А между тѣмъ, пожалуй, трудно найти въ исторіи Россіи другую эпоху, когда бы такъ интенсивно работала общественная мысль. И это отнюдь не была только судорожная борьба отживающей старины съ новой умственной культурой, борьба новыхъ людей западно-европейскаго міросозерцанія съ представителями старой Руси, національной косности и невѣжественнаго самомнѣнія. Изъ-подъ покрывала кажущагося фанатизма столь же отчетливо выступаютъ элементы и сознательной, продуманной борьбы, борьбы, полной интереса и жизненности. Эта идейная борьба облечена и въ политическую тогу. Охватывая широкіе народные слои, она получаетъ такую же соціальную окраску. Такъ, за внѣшними лѣсами вскрываются истинныя причины того народнаго движенія, которое все можно объединить однимъ терминомъ „расколъ“.

Сойдемъ въ низы московскаго общества, и тамъ за слѣпой ненавистью къ Западу, за невѣжественной защитой традиціоннаго, какъ бы вѣкового мышленія—мы найдемъ глубокія основанія для народнаго недовольства.

Неприглядно на первый взглядъ „старое“ въ московскомъ государствѣ. Это старое привело уже къ крупному потрясенію всѣхъ государственныхъ основъ въ эпоху великой разрухи. Но новое, пришедшее на смѣну стараго, или, вѣрнѣе, возродившее старое, еще большимъ гнетомъ легло на народный трудъ и народное сбереженіе. Отсюда и то „бунташное“ настроеніе, которымъ отмѣчено все XVII столѣтіе. Растетъ и укрѣпляется сословно-бюрократическій строй Московскаго государства, и противъ этого зарождающагося полицейскаго государства, противъ приказнаго строя и „кровопійцевъ“, противъ крѣпостническаго и фискальнаго гнета идетъ непрерывная народная борьба. Въ моментъ укрѣпленія и роста новыхъ порядковъ, т е. въ моментъ, когда они особенно остро должны восприниматься, народная масса реагируетъ

на нихъ въ формѣ самыхъ рѣзкихъ и активныхъ протестовъ. Вторая половина XVII вѣка, можно сказать, классическій вѣкъ народныхъ волненій. Достаточно припомнить іюльскій бунтъ 1648 г. въ Москвѣ, когда царю Алексѣю пришлось бить челомъ „всему міру“ и обѣщать удовлетворить „простолюдиновъ“ новыми „хорошими законами“; отзвуки бунта въ провинціи, хотя бы въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ также въ сущности торжествуютъ „воры-гилевщики“, гдѣ даже устанавливается временное правительство; мѣдный бунтъ въ Москвѣ въ 1662 г., когда царю Алексѣю пришлось рукобитіемъ подтвердить свое обѣщаніе, данное „злымъ людямъ“, а затѣмъ переказнить 15000 „воровъ“; Разиновскую драму, стоившую болѣе ста тысячъ народныхъ жертвъ и оставившую надолго неизгладимое впечатлѣніе въ народной психикѣ; стрѣлецкіе бунты, которые народное сознаніе отожествляло со всѣми движеніями „воровъ-гилевщиковъ“ и которые закончились знаменитыми Петровскими розысками; наконецъ—казацкія волненія подъ знаменемъ „старой вѣры“ на Дону съ 70—90 г.... Достаточно остановиться на этомъ голомъ перечнѣ, чтобы воспроизвести если не яркую, то достаточно полную картину народнаго протеста во второй половинѣ XVII столѣтія. Рука объ руку съ этими активными формами народнаго протеста идетъ широкій потокъ бѣгства изъ центра на окраины: міръ городской, міръ деревенскій въ „одиночку“ и „скопомъ“ бѣжитъ отъ „большихъ податей, отъ воеводскихъ налоговъ и посуловъ и отъ солдатскихъ наборовъ“. Уже въ серединѣ вѣка изъ Москвы, „какъ изъ тюрьмы“, по наблюденію современниковъ, бѣжитъ и переселяется народъ.

Нельзя не учитывать этого почти всеобщаго господствующаго настроенія въ народной массѣ, когда рѣчь заходитъ о чисто церковномъ явленіи, какимъ на первый взглядъ представляется „расколъ“. Самъ по себѣ призывъ къ протесту противъ никоновскихъ реформъ не заключалъ ни соціальныхъ ни политическихъ элементовъ, но онъ падалъ на раскаленную почву, и въ народномъ сознаніи церковная реформа являлась какъ бы завершеніемъ крѣпостного ярма, какъ бы вѣнцомъ личной неволи и государственной кабалы. Религія и мірская жизнь объединялись въ одномъ общемъ протестѣ. Старое идеализировалось и противопоставлялось „нѣмецкому злодѣйству“—вторженію этого иноземнаго при-

писывался ростъ экономическихъ и соціальныхъ тяготъ. „Старое становится синонимомъ вольности и освобожденія отъ общественнаго зла. „Старая вѣра“ становится девизомъ борьбы за экономическое благополучіе, за соціальное равенство и политическую свободу. „Старая вѣра“—это идейное знамя для народной оппозиціи, придавшее стихійнымъ народнымъ движеніямъ характеръ планомѣрной борьбы, характеръ борьбы не за одни только матеріальныя блага. Потому народная оппозиція и оказалась столь длительной и жизненной, что въ основѣ ея лежали болѣе глубокіе корни и причины, чѣмъ узкій націонализмъ и старовѣрческій фанатизмъ, предразсудки и невѣжество.

Перейдя отъ низовъ къ верхамъ общества, къ тѣмъ, кому суждено было сдѣлаться руководителями движенія, положившаго начало старообрядчеству, пожалуй, также придется отказаться отъ значительной доли обычныхъ сужденій. По крайней мѣрѣ придется внести существенный коррективъ въ утвержденіе, что защита національной старины явилась только „плодомъ умственной тѣсноты и умственной ограниченности“, какъ въ свое время думалъ Забѣлинъ. Этотъ коррективъ неизбѣженъ уже потому, что въ наши дни достаточно выяснены и самый характеръ реформъ патріарха Никона и въ значительной степени обоснованность того шумнаго протеста, который вызвали въ извѣстныхъ слояхъ московскаго общества никоновскія церковныя начинанія. Нельзя уже изображать расколъ, происшедшій въ московскомъ обществѣ въ срединѣ XVII столѣтія, только въ видѣ протеста невѣжественной среды противъ среды мыслящей. Первые расколоучители далеко не были тѣми обскурантами, которыми ихъ готовы у насъ такъ часто представить. Какъ разъ въ значительной степени на ихъ сторонѣ были, пожалуй, и умъ и талантъ; имъ нельзя отказать даже въ большой начитанности для своего времени. Замѣчательная фигура протопопа Аввакума дѣйствительно рѣзко выдѣляется изъ окружающей среды современниковъ.

Люди церковнаго круга, далекіе по своему настроенію и призванію отъ мирскихъ интересовъ и свѣтской жизни, первые расколоучители, конечно, мало имѣли общаго съ тѣми передовыми новыми людьми, поклонниками западноевропейской культуры, которыхъ выдвинуло переходное время второй половины XVII столѣтія. Церковные проповѣд-

ники и обличители, воодушевленные аскетическими идеалами благочестиваго житія, святыхъ монашескихъ подвиговъ „во вся дни, нощи и часы“,—понятно, они были очень далеки отъ новыхъ путей жизни, пробивающихся въ старой Москвѣ. Правда, въ этой патріархальной старой Москвѣ вся жизнь была тѣсно и неразрывно связана съ церковнымъ обиходомъ, вся жизнь была прикрыта религіозной пеленой; иногда трудно разграничить эти двѣ сферы — область мірской жизни отъ области религіозной, гдѣ царь, являясь главой государства, въ той же мѣрѣ былъ и церковнымъ устроителемъ. Однако западничество уже сбрасывало эту теократическую опеку, оно шло по пути секуляризаціи общественной мысли и общественнаго обихода. Но это было явленіе новое, въ основѣ своей чуждое старозавѣтнымъ идеаламъ Руси. Сопоставлять поэтому западничество и церковное реформаторство XVII вѣка врядъ ли представляется возможнымъ. Это—два враждебныхъ явленія, какими всегда и всюду были церковь и свѣтская мысль.

Аввакума и его друзей мы должны взять въ той обстановкѣ, въ которой имъ пришлось дѣйствовать, и сопоставить съ патріархомъ Никономъ и его сторонниками.

Въ Никонѣ прежде готовы были видѣть своего рода предшественника Петра. Въ дѣятельности Никона готовы были усмотрѣть поворотъ „отъ стараго Домостроя къ новинѣ Петровской“. Пожалуй, здѣсь было нѣчто общее, но только во внѣшнихъ пріемахъ проведенія реформъ. Смѣлая рука Никона такъ же рѣзко коснулась „завѣтнаго начала жизни“ старой Москвы, какъ впослѣдствіи грубая рука царя-мастерового рѣзала непослушныя бороды и головы. Никонъ и Западъ—это два полюса. Никонъ—воплощеніе тѣхъ самыхъ византійскихъ началъ, которыя дѣйствительно рабски сковывали московское общество и воспитывали его въ исключительной враждѣ ко всему, что шло съ болѣе культурнаго Запада. Никонъ — крупная фигура, человѣкъ несомнѣнно сильной воли, но это фанатикъ своихъ грекофильскихъ симпатій съ момента занятія патріаршаго престола. Онъ въ сущности одинъ изъ наиболѣе видныхъ вождей того теченія въ московскомъ обществѣ, которое на Востокѣ, въ Византіи, какъ бы ищетъ противовѣса вторгающемуся Западу.

Это теченіе опредѣленно кристаллизируется въ серединѣ столѣтія; оно тѣсно связано съ официальной церковью, въ

теоріи, находящейся въ содружествѣ со свѣтской властью, въ дѣйствительности же въ полномъ подчиненіи у послѣдней.

Въ глазахъ огромнаго большинства московскаго общества церковный авторитетъ грековъ давно уже палъ. Но его вновь пытаются возродить въ офиціальныхъ кругахъ. Первымъ грекофиломъ выступаетъ еще патріархъ Филаретъ, кокорый въ цѣляхъ согласованія русской церкви съ греческой производитъ уже нѣкоторыя церковныя исправленія, который пытается завести и греческую школу на патріаршемъ дворѣ. Въ 1644 г. появляется „Кириллова книга",—этотъ своего рода пробный шаръ въ смыслѣ подготовки московскаго общественнаго мнѣнія въ пользу грековъ. Черезъ четыре года царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ издаетъ „Книгу о вѣрѣ", написанную кіевскимъ игуменомъ Нафанаиломъ—она имѣетъ опредѣленную задачу показать непогрѣшимость греческаго авторитета въ церковныхъ дѣлахъ. Чѣмъ же надо объяснить этотъ поворотъ въ правящихъ церковныхъ кругахъ? Дѣятельность патріарха Никона отчетливо объясняетъ намъ происхожденіе и развитіе этой тенденціи.

Стремленіе къ согласованію русской и восточныхъ церквей объясняется широкими перспективами, которыя рисуются правительству и офиціальной церкви. Они уже не довольствуются установленіемъ и признаніемъ независимой національной церкви, не находящейся въ духовно-іерархическомъ подчиненіи отъ Византіи. Политическая идеологія давно уже поставила Московское царство въ положеніе какъ бы законной преемницы византійской монархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвела московскаго самодержца въ санъ „браздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ святой *вселенской* церкви". Реальное осуществленіе идеи этой вселенской церкви подъ главенствомъ Москвы и становится однимъ изъ утопическихъ мечтаній московскаго правительства.

Царь Алексѣй не безъ удовольствія выслушивалъ льстивыя слова прибывающихъ въ Москву греческихъ іерарховъ, провозглашавшихъ „московскаго властелина" новымъ Моисеемъ, который долженъ объединить всѣ православные народы подъ своимъ скипетромъ, „быти на вселеннѣй царю и самодержцу христіанскому и возсіяти, яко солнцу посреди звѣздъ". Московскіе самодержцы искони мечтали быть „превыше всѣхъ царей". Эти заманчивыя перспективы раскрывали

передъ ними льстивые восточные іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву въ цѣляхъ матеріально поживиться за счетъ „Руси глупой, ничтоже свѣдущей", какъ выражался впослѣдствіи одинъ изъ книжныхъ справщиковъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Но какъ могла осуществиться желанная политическая мечта? Какъ осуществить ту мессіанскую роль, которая выпадала на долю царя Алексѣя и его преемниковъ? Преемникъ византійскаго императора долженъ былъ явиться и охранителемъ византійскаго православія. Слѣдовательно, первый этапъ долженъ былъ заключаться въ единеніи русской и восточныхъ церквей. Національная русская церковь должна была находиться „согласна во всемъ и купночинна" съ церковью византійской, чего въ дѣйствительности во внѣшнемъ ритуалѣ давно уже не было. А эта внѣшняя обрядовая сторона неразрывными узами была связана съ догматической стороной, какъ въ сущности она связана и въ наши дни у огромнаго большинства людей. Обрядъ и догматъ — это два спаянныхъ звена каждой религіи, каждой церковной организаціи. Понятно, что при такихъ условіяхъ царь Алексѣй долженъ былъ сдѣлаться горячимъ сторонникомъ той церковной реформы, которая должна была привести къ установленію полной солидарности между церквами русской и восточной. Въ силу положенія, которое уже занималъ въ церковной организаціи „высочайшій святой самодержецъ" — если неофиціальный глава, то ея главный охранитель и блюститель — естественно, царь Алексѣй долженъ былъ явиться въ значительной степени и иниціаторомъ той рѣшительной реформы церковнаго объединенія, которая была проведена при Никонѣ. Такъ и было въ дѣйствительности, какъ отчетливо выясняетъ послѣднее изслѣдованіе проф. Каптерева „Царь Алексѣй и патріархъ Никонъ".

Никонъ вполнѣ раздѣляетъ политическія мечтанія царя Алексѣя: еще въ своей привѣтственной рѣчи при посвященіи въ санъ патріарха онъ желаетъ московскому правительству распространить царство свое „отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конца вселенныя". Въ его мечтахъ рисуется та же вселенская церковь подъ главенствомъ московскаго патріарха. Только на цезаро-папизмъ Византіи Никонъ хочетъ надѣть папскую тогу. Патріархъ-государь долженъ въ теоріи стать выше свѣтской власти. Теократія — таковъ идеалъ Никона, идеалъ, который онъ лелѣялъ еще въ бытность новгород-

скимъ митрополитомъ и который долженъ былъ на патріаршемъ престолѣ, конечно, раскрывать лишь иносказательно.

Только на судѣ, когда уже не оставалось сомнѣнія въ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о „великомъ государствованіи“ патріарха, Никонъ болѣе опредѣленно развилъ свои теоретическіе взгляды. „Древніе уставы греческіе — писалъ Никонъ — повѣдаютъ сице: два меча владычествовати... владычества, духовное и мірское, тѣми двѣма мечами содержится. Который изъ нихъ высшій и достойнѣйшій — едино разумѣютъ тако, еже бы царь вышній былъ, ниже архіерей... Нѣцые тако утверждаютъ, яко архіерей вышши есть неже царь“. Никонъ самъ всецѣло склоняется на сторону „разумѣнія“ тѣхъ „ученыхъ“, которые утверждаютъ, что „власть царская имать быти повинна власти архіерейской“, и поясняетъ свою мысль метафорой: „Сего ради яснѣйше: царь имать быти менѣе архіерея и ему въ повиновеніи“... „Господь Богъ всесильный егда небо и землю сотворилъ, тогда два свѣтила солнце и мѣсяцъ на немъ (небѣ) ходяще, на земли свѣтите повелѣ: солнце намъ показа власть архіерейскую, мѣсяцъ же показа власть царскую, ибо солнце вящи свѣтитъ во дни, яко архіерей душамъ, меньшее же свѣтило — въ нощи еже есть тѣлу; яко же мѣсяцъ емлетъ себѣ свѣтъ отъ солнца... такожде и царь. Таковое есть то разнство между тѣми двумя лицами во всемъ христіанствѣ, яковая есть между солнцемъ и луною“...

Грекофильскія симпатіи такимъ образомъ тѣсно связывали въ первое время Никона и Алексѣя — и тотъ и другой любили „греческіе обряды“, какъ отмѣчаетъ современникъ Павелъ Алепскій, — но различіе въ конечныхъ цѣляхъ неизбѣжно должно было привести къ разрыву, такъ какъ московскій самодержецъ отнюдь не склоненъ былъ итти на уступки теократическимъ вожделѣніямъ московскаго патріарха. Этотъ разрывъ пророчески предсказывалъ Никону еще одинъ изъ первыхъ вождей старообрядчества Іоаннъ Нероновъ: „да время будетъ и самъ съ Москвы искочишь“. Московская практика давно уже переписала Божье достояніе на царское имя,—и, слѣдовательно, гордая теорія папизма пришла слишкомъ поздно. Тѣмъ болѣе была она неумѣстна, что и въ общественномъ настроеніи не находила себѣ поддержки; скорѣе обратно — „папежская ересь“ Никона вы-

звала большой протестъ среди тѣхъ, кто являлся вождемъ старообрядчества.

И очень часто эту группу выставляютъ какъ бы прямыми продолжателями іосифлянскихъ національстическихъ традицій, провозглашавшихъ союзъ церкви и государства съ пріоритетомъ послѣдняго, приглашавшихъ мечъ государственный стоять на стражѣ интересовъ церковныхъ. Но не кроется ли здѣсь одинъ изъ роковыхъ предразсудковъ, которые окружили слишкомъ уже густой пеленой обскурантизма и реакціи первые годы жизни московскаго старообрядчества?

Мы слышимъ, правда, первоначально, обращенные къ свѣтской власти призывы остановить реформы Никона. Эти обращенія были болѣе чѣмъ естественны, потому что реформы производятся по иниціативѣ свѣтской власти, потому что свѣтская и церковная власти фактически почти слиты между собой. Но одновременно съ этими призывами идутъ и протесты противъ единоличныхъ распоряженій свѣтской и церковной властей, требованія соборнаго рѣшенія по вопросу о церковныхъ реформахъ. Въ этомъ соборѣ, по воззрѣнію Іоанна Неронова, должны принять участіе и мірскіе выбранные люди — соборъ долженъ быть какъ бы гласомъ народа. Къ этому народу непосредственно обращаетъ свои первые призывы съ протестомъ противъ никоновскихъ реформъ Аввакумъ. Если первоначально тактическія соображенія сами по себѣ какъ бы инстинктивно заставляютъ обращаться къ свѣтской власти, искони занимавшей мѣсто устроительницы церковныхъ дѣлъ, если персональныя отношенія къ царю у первыхъ вождей старообрядчества, побуждаютъ къ тому же, то по мѣрѣ порчи этихъ отношеній, по мѣрѣ выясненія характера реформъ, назрѣванія конфликта, проповѣдь церковной оппозиціи пріобрѣтаетъ уже болѣе опредѣленный и послѣдовательный характеръ. Она выливается въ концѣ-концовъ въ форму протеста противъ насильственной ломки установившихся религіозныхъ традицій и обрядовъ, противъ насилія надъ свободой совѣсти, противъ вмѣшательства даже свѣтской власти въ церковныя дѣла. Она приводитъ къ принципіальному отрицанію основныхъ положеній іосифлянской политики. Царь не долженъ „владѣть церковью", какъ характерно выражается Аввакумъ. Именно вмѣшательство свѣтской власти — „градское казненіе" создаетъ религіозныя

гоненія, противъ которыхъ въ концѣ своей литературной дѣятельности такъ ярко выступилъ Аввакумъ: „огнемъ, да кнутомъ, да висилицею“ нельзя утвердить вѣру. Столь же рѣзко Аввакумъ выступаетъ и противъ пастырей, которые ради благъ земныхъ „такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться“: „своими руками готовы неповинныхъ кровь проліяти и исповѣдниковъ православныя вѣры во огнь всаждать“ — пишетъ онъ въ посланіи къ царю Ѳеодору. „Хороши законоучители. Да што на нихъ! Таковые нарокомъ поставлены, яко земскія ярыжки, — что имъ велятъ, то и творятъ. Только у нихъ и вытвержено: а-се, государь, во-се, государь, добро, государь...“ Они только потакаютъ царю: „жги, государь, христіанъ тѣхъ, а намъ, какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны, хотя и медвѣдя дай намъ въ алтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лишь намъ погреба давай, да кормы со дворца“.

Своеобразная теорія своего рода отдѣленія церкви отъ государства, развитая талантливымъ протопопомъ, конечно, вытекала изъ сознанія, что дѣло проиграно вслѣдствіе поддержки, которую оказываетъ свѣтская власть церковнымъ начинаніямъ и, наконецъ, изъ чувствъ разочарованія въ самомъ царѣ Алексѣѣ, къ которому Аввакумъ относился въ сущности съ такой большой душевностью до самаго послѣдняго времени: „ну, да хотя государь меня и собакамъ приказалъ выкинуть, да еще благословлю тя благословеніемъ послѣднимъ“ — пишетъ онъ въ заключеніе одного изъ посланій царю, упрекая его за преслѣдованія.

Быть можетъ, Аввакуму постепенно выяснялось и то, что мы хорошо знаемъ теперь — что именно царь былъ однимъ изъ иниціаторовъ проведенія реформъ въ духѣ „никоновскихъ новинокъ“. У Аввакума несомнѣнныя и рѣзкія противорѣчія, но не слѣдуетъ ли это отчасти объяснять и непосредственностью его впечатлительной натуры? Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ порыва, но онъ всегда искрененъ. Съ другой стороны, новыя мысли лишь нащупывались и не могли вылиться въ достаточно отчетливыхъ формахъ. Но какими мотивами ни объяснять призывъ къ вѣротерпимости, непрестанно повторяющійся въ устахъ учениковъ протопопа, нельзя будетъ не признать, что эта антиосифлянская политика становится въ концѣ-концовъ доминирующимъ настро-

ніемъ всего старообрядческаго міра, разорвавшаго связи съ міромъ никоніанскимъ.

Окончательный разрывъ между сторонниками никоніанскихъ реформъ и ихъ противниками происходилъ постепенно, по мѣрѣ выясненія характера самихъ реформъ и ихъ осуществленія. Грекофильскія тенденціи получаютъ какъ бы правительственную санкцію еще до занятія Никономъ въ 1652 г. патріаршаго престола. Въ 1649—1650 гг. прибываютъ въ Москву тѣ малорусскіе ученые—Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій, Епифаній Славенецкій, которые должны были заняться исправленіемъ церковнаго чина въ духѣ согласованія его съ греческой практикой. Домъ боярина Ѳедора Ртищева, покровительствовавшаго кіевлянамъ, превращается въ своего рода общественный салонъ, гдѣ идутъ горячіе споры по вопросу о церковной реформѣ. Цѣлыя ночи проходятъ въ этихъ бесѣдахъ, на которыхъ выступаютъ и нѣкоторые изъ будущихъ вождей старообрядчества. Московское общество проявляетъ большой интересъ къ вопросу, ставшему какъ бы очереднымъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ успѣхъ, которымъ пользуются литературныя произведенія, затрагивающія эти вопросы: „Книга о вѣрѣ“ и донесенія Арсенія Суханова о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ на Востокѣ—донесенія, которыя опровергали выводы грекофильской партіи и доказывали, что греки не могутъ быть „источникомъ“ вѣры. Въ послѣднихъ донесеніяхъ видѣть здѣсь только націоналистическое самомнѣніе и невѣжество нельзя уже потому, что свои выводы Сухановъ аргументируетъ непосредственными наблюденіями надъ тѣми „небреженіями“, которыя допускаютъ греки. Въ 1650 г. на Аѳонѣ сжигаютъ московскія богослужебныя книги, какъ еретическія. Для грекофильской партіи это былъ сильный ударъ, ставившій вопросъ о церковныхъ исправленіяхъ ребромъ. Для противниковъ грековъ это событіе отнюдь не могло служить поводомъ измѣнить установившуюся церковную практику, ибо греческіе источники давно уже „пересохли“. Выводы Арсенія Суханова вполнѣ гармонировали съ господствующей въ московскомъ обществѣ точкой зрѣнія. Пріѣзжіе греки лишь еще болѣе дискредитировали въ глазахъ московскаго общества авторитетъ греческой церкви. Въ самомъ дѣлѣ, эти греческіе іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву для полученія подачекъ и даровъ отъ царскихъ щедротъ, занимающіеся въ Мо-

сквѣ продажей индульгенцій— разрѣшительныхъ грамотъ и за „пѣнязи“ готовые „всякія святыни обращать въ товаръ“, по ядовитому замѣчанію Юрія Крижанича, неумѣренно льстившіе московскому самодержцу и всѣмъ власть имущимъ—не могли имѣть вѣса въ московскомъ общественномъ мнѣніи.

И когда начались церковныя реформы, единолично проводимыя Никономъ съ одобренія свѣтской верховной власти; когда эти реформы ломали московскую церковную старину во имя греческаго авторитета, онѣ вызвали громкую оппозицію. „И не во имя только косной защиты“ ненарушимыхъ традицій раздался этотъ протестъ: онъ былъ шире и глубже. Протестовали не невѣжественные фанатики, а скорѣе тѣ, въ комъ привычка къ церковному послушанію не убила еще самостоятельности мысли. Вожди старообрядчества далеко не были принципіальными противниками церковныхъ реформъ, не были они и противниками книжнаго исправленія, но они протестовали противъ односторонности реформъ, противъ слѣпого поклоненія греческому авторитету, противъ измѣненій церковнаго чина только потому, что не такъ было у грековъ: въ каждой странѣ свои обычаи—замѣчаетъ Аввакумъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ первыхъ противниковъ Никона (Лазаря и особенно Ѳеодора дьякона) церковная реформа Никона подвергнута строгой и детальной критикѣ. И съ полнымъ правомъ въ наши дни можно сказать, что аргументація ихъ далеко не такъ невѣжественна, какъ она представлялась обычно въ огромномъ большинствѣ историческихъ изслѣдованій. Теперь безспорно уже доказаны односторонность, мелочность, неряшливость и часто полная необоснованность реформаторскихъ начинаній патріарха Никона и въ особенности книжнаго исправленія. Мы знаемъ, что старообрядческіе вожди были глубоко правы, утверждая, что новыя церковныя книги правлены „не съ древнихъ греческихъ рукописьменныхъ и славянскихъ“, а съ „новогреческихъ печатныхъ книгъ“ съ „венеціанскихъ“ изданій; что они были правы, утверждая, что въ московскомъ обрядовомъ благочестіи не было искаженій по сравненію со стариной. Исправленіе книгъ по древнимъ рукописямъ при Никонѣ, какъ нынѣ доказано проф. Каптеревымъ, было фикціей. Никоновскія реформы во всѣхъ областяхъ церковной жизни—это дѣйствительно рабское слѣдованіе за византійскими образцами, это перенесеніе современной ему византійской практики

въ Москву. Въ силу такого характера реформы патріарха Никона и не были убѣдительны для значительнаго большинства представителей московскаго общества.

Никонъ круто расправился съ противниками своихъ реформъ: Нероновъ, Логгинъ, Даніилъ, Лазарь, Аввакумъ— всѣ отправились въ ссылку. Прежде это были друзья Никона, при помощи которыхъ онъ получилъ патріаршество, друзья, съ которыми онъ, видимо, былъ солидаренъ въ вопросѣ о церковныхъ преобразованіяхъ. По крайней мѣрѣ его считали противникомъ грековъ, но съ полученіемъ власти измѣнились и его воззрѣнія. „Яко лисъ“ поступилъ Никонъ, по характеристикѣ Аввакума. И тѣмъ рѣзче былъ протестъ лично противъ Никона, не оправдавшаго возлагаемыхъ на него надеждъ.

Трудно, конечно, сказать, насколько искрененъ былъ Никонъ въ своемъ поведеніи. Во всякомъ случаѣ, попавъ въ Москву въ кружокъ грекофиловъ, Никонъ отчетливо могъ себѣ представить выгоду, которую представляла идея осуществленія вселенской церкви для обоснованія независимой церковной власти. О независимости церковной власти отъ свѣтской Никонъ, какъ мы знаемъ, мечталъ еще въ Новгородѣ. Это такъ ярко сказалось въ инсценировкѣ перенесенія мощей митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Позже на соборѣ 1666 г. царь Алексѣй съ явной обидой вспоминалъ о томъ „безчестіи и укоризнѣ“, которыя Никонъ нанесъ царской власти, когда въ молебной грамотѣ, обращенной къ мощамъ, царь долженъ былъ признать „согрѣшенія“ прадѣда своего, совершенныя „неразсудно завистью и несдержанной яростью“. Царь долженъ былъ преклонить „санъ свой царскій за согрѣшившаго“ противъ митрополита.

Самый опасный противникъ Никона, благодаря своему страстному темпераменту, горячему убѣжденію и энергіи— Аввакумъ попадаетъ въ ссылку, въ Сибирь, въ Тобольскъ. Аввакума арестуютъ во время церковной службы въ стѣнахъ нероновскаго дома—здѣсь онъ собрался „съ братіею о Господѣ бдѣти, ибо, въ иную пору—какъ замѣчаетъ протопопъ—и конюшня лучше церкви бываетъ“. Его сажаютъ въ темный погребъ на цѣпь въ Андроніевомъ монастырѣ и такъ безъ пищи держатъ трое сутокъ. Затѣмъ начинаются увѣщеванія и истязанія въ теченіе цѣлаго мѣсяца. „У церкви за волосы дерутъ и подъ бока толкаютъ и за чѣпь торгаютъ и въ глаза плюютъ“— вспоминалъ впослѣдствіи Аввакумъ. А онъ

въ отвѣтъ лишь бранился, да лаялся, какъ выражается самъ о себѣ протопопъ.

Въ Сибири Аввакумъ пробылъ десять лѣтъ; эта ссылка не даетъ ему возможности непосредственно участвовать въ той борьбѣ, которая открывается въ Москвѣ. И Никонъ почти безпрепятственно проводитъ свои реформы. Во главѣ оппозиціи становится І. Нероновъ—человѣкъ убѣжденный, но мягкій, въ концѣ концовъ пошедшій на примиреніе съ Никономъ. Нероновъ неспособенъ былъ, такимъ образомъ, руководить боевой оппозиціей. Въ Москвѣ, между тѣмъ, идетъ великое смятеніе, вызванное реформаторской дѣятельностью Никона. Въ 1654 г. протестъ противъ Никона выразился почти въ открытомъ возмущеніи; это было тогда, когда патріархъ подвергалъ осмѣянію иконы новаго „франкскаго“ письма: эти иконы съ проколотыми глазами носили по городу а затѣмъ предавали анаѳемѣ. Какъ характеренъ для воззрѣній Никона такой поступокъ—преслѣдованіямъ подвергается все, что не подходитъ подъ византійскіе образцы... На улицахъ и торжищахъ Москвы обсуждаются никоновскія новинки. Вотъ, напр., съ открытымъ обличеніемъ выступаетъ „юродивый“ Кипріанъ. Однако, проповѣдовать противъ Никона опасно. Протестантовъ сажаютъ въ тюрьмы, куютъ въ желѣзо и бьютъ плетьми. Многимъ въ эту пору суждено пострадать за возстановленіе древняго благочестія...

Среди московскихъ агитаторовъ того времени нельзя не отмѣтить вѣрную ученицу Аввакума, боярыню Ѳеодосію Морозову. Она, „яко левъ“, по выраженію Аввакума, „безпрестанно обличая“, появлялась на бесѣдахъ никоніанъ.

Въ такомъ настроеніи жила Москва, когда палъ Никонъ, а призванный вождь оппозиціи томился въ далекой ссылкѣ, въ Дауріи, въ военномъ отрядѣ воеводы Пашкова. Въ Сибири „огнепальный“ протопопъ создалъ обширный кругъ недовольныхъ никоновскими новшествами; чтобы обезвредить его проповѣдь, Аввакумъ по указу изъ Москвы отсылается въ самыя глухія и пустынныя мѣста. Но дѣло совершено—протестъ пустилъ корни и распространяется по всѣмъ уголкамъ Россіи. Аввакумъ оказывается дѣйствительно опаснымъ противникомъ. И, вѣроятно, подъ вліяніемъ примиренія Неронова въ Москвѣ является мысль—добиться уступокъ и со стороны Аввакума. Примириться съ нимъ особенно важно. „Расколъ“ растетъ, питаясь тѣмъ широкимъ недовольствомъ,

которое существуетъ въ массѣ. Въ самой Москвѣ, какъ мы знаемъ, чрезвычайно неспокойно. Бунташное настроеніе низшихъ слоевъ московскаго населенія выразилось уже въ открытомъ бунтѣ 1662 г. При такихъ условіяхъ необходимо было обезопасить такого сильнаго упорнаго противника, какимъ былъ богатырь-протопопъ.

Аввакумъ вновь въ Москвѣ по царскому вызову... Но какъ ошибочно думать, что этотъ непримиримый борецъ пойдетъ на какія-нибудь уступки и компромиссы. Онъ ѣдетъ въ Москву, и повсюду „по весямъ и по селамъ, во церквахъ и на торгахъ“ кричитъ и обличаетъ „безбожескую лесть“. Онъ не боится „тѣлесныя смерти“, никакія мученія, никакія страданія не заставятъ его молчать о томъ правомъ дѣлѣ, за которое онъ борется. Въ началѣ 1664 г. Аввакумъ попадаетъ въ Москву. Его встрѣчаютъ здѣсь, пожалуй даже ласково, съ явной цѣлью добиться примиренія. Но что видитъ Аввакумъ въ Москвѣ? Онъ видитъ „церковь паче прежняго смущенну“... „Увы души моей бѣдной! Лучши бы мнѣ въ пустыни Даурской, со звѣрьми живучи, конецъ пріяти“— восклицаетъ Аввакумъ. Пусть лучше „ребра наша ломаютъ“, „кнутьемъ мучатъ и томятъ на морозѣ гладомъ“.

Аввакумъ взбудораживаетъ всю Москву: „я на Москвѣ гной расшевелилъ—замѣчаетъ онъ—и еретиковъ раздразнилъ своимъ пріѣздомъ“. Онъ „бранится съ отступниками“ у Ртищева, онъ „грызется“ о вѣрѣ, распространяя „шатаніе великое и въ людяхъ смуту“. Поэтому для прекращенія смуты слѣдуетъ новая ссылка Аввакума въ Мезень, затѣмъ судъ въ 1666 г. и уже окончательная ссылка въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ другими „начальными отцами“—Епифаніемъ, Лазаремъ и Ѳеодоромъ.

На соборѣ о „броню фанатизма“ Аввакума разбились всѣ увѣщеванія и убѣжденія—говоритъ В. А. Мякотинъ. Спора нѣтъ, много фанатизма было въ Аввакумѣ. Этотъ фанатизмъ и создалъ изъ него борца. Но его „упрямство“, однако, основывалось на критической оцѣнкѣ тѣхъ уступокъ, которыхъ отъ него требовали. Представъ передъ соборомъ на судъ вселенскихъ патріарховъ, онъ слышалъ единственную аргументацію въ доказательство правоты никоновскихъ измѣненій, далеко не „корректурнаго характера“, какъ указываетъ проф. Ключевскій; эта аргументація сводилась къ словамъ патріарховъ: „что де ты упрямъ? вся де наша Па-

лестина и Серби и Албанси и Волохи и Римляне и Ляхи всѣ де трема персти крестятся". „Дуракъ протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ!"—смѣялись русскіе представители собора... Аргументація, дѣйствительно убѣдительная, развѣ только для тѣхъ, которые „простою вѣрою повѣривши", какъ писалъ впослѣдствіи знаменитый поморскій дѣятель Андрей Денисовъ, и которые неспособны были проанализировать свои поступки. Нѣтъ, рѣшительно приходится отдать предпочтеніе упрямцамъ, несмотря на всю ихъ враждебность къ „наукѣ". Они не понимали: „кая граматика двѣмя перстома знаменатися возбраняетъ, кій синтаксисъ пятью перстами благословлять устанавливаетъ", почему вообще „законъ русскій" долженъ быть передѣланъ въ законъ греческій. И, конечно, въ этомъ отношеніи они были правы. Они съ самаго начала очень мѣтко и вѣрно охарактеризовали никоновскія реформы. И никакія „высокія науки" въ словопреніи не могли убѣдить Аввакума—онъ и послѣ суда велъ такіе же ожесточенные споры со своими противниками: „зѣло было стязаніе много: разошлися, яко пьяны, не могъ и поѣсть послѣ крику"—разсказываетъ Аввакумъ о своемъ спорѣ съ Симеономъ Полоцкимъ.

Старообрядчество уже официально предано проклятію соборомъ господствующей церкви. Вслѣдъ за осужденіемъ идутъ указы о сожиганіи въ срубахъ раскольниковъ, если они „по трикратному вопросу" не откажутся отъ своего упорства. Открывается эра гоненій, лишь укрѣпляющая старое „благочестіе" и усиливающая оппозиціонное настроеніе. „На Москвѣ жарятъ и пекутъ" защитниковъ истинной вѣры, а изъ Пустозерска идутъ призывы къ вѣротерпимости. „По вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же"... Чѣмъ могутъ похвалиться никоніане... „огнемъ, да топоромъ, да висѣлицею". „Поганы вы тѣмъ!—знаю я„—пишетъ Аввакумъ. „У васъ нынѣ: сѣки, да руби, жги, да пали, да вѣшай".

Московская община дѣйствительно переживаетъ тяжелые дни.

Въ 1671 г. „на Болотѣ" казненъ инокъ Аврамій—одинъ изъ главныхъ дѣятелей московскихъ старовѣровъ. Въ томъ же году арестована и вѣрная ученица Аввакума—боярыня Морозова. Она играетъ большую роль въ жизни московской общины: ея вліяніе при дворѣ не разъ отвлекаетъ грозу, которая виситъ надъ Аввакумовскими единомышленниками.

Во дворцѣ не могутъ не считаться съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое занимаетъ Морозова въ московскомъ аристократическомъ обществѣ. Она жена одного изъ первыхъ бояръ при царѣ—Глѣба Ивановича Морозова, родного брата царскаго временщика Бориса Ивановича, женатаго на сестрѣ царицы. Она дочь окольничаго Соковнина, родственника царицы Марьи Ильиничны; она сестра жены близкаго царю боярина кн. Урусова. Она двоюродная сестра Ѳеодора Ртищева. Однимъ словомъ, она принадлежитъ къ высшимъ кругамъ московскаго общества. Эта умная, съ сильной волею молодая тридцатилѣтняя женщина всецѣло предается подъ вліяніемъ Аввакума защитѣ того дѣла, за которое стоитъ ея учитель.

Послѣ смерти мужа въ 1662 г. Морозова совершенно измѣняетъ свой образъ жизни. „Знаю, другъ мой милый, Ѳеодосья Прокопьевна...—пишетъ ей Аввакумъ—въ дому твоемъ тебѣ служило человѣкъ съ триста, крестьянъ у тебя было 8000, имѣнія въ твоемъ дому было на 200 или на 250 тысячъ, друзей и сродниковъ въ Москвѣ множество; ѣздила ты къ нимъ въ каретѣ дорогой, украшенной мусіею и серебромъ, на аргамакахъ многихъ, по 6—12 запрягали, съ гремячими цѣпями; за тобой слугъ, рабовъ и рабынь, шло человѣкъ по 100 и по 200, а иногда и 300, оберегая честь твою и здоровье“... И вотъ эта знатная боярыня, близкая ко двору, всецѣло посвящаетъ себя широкой благотворительности. Она сама садится за прялку и шьетъ рубахи, которыя лично раздаетъ, одѣвшись въ рубище, на улицахъ и по темницамъ. Она ходитъ и раздаетъ деньги „овому рубль, а иному 10, а мѣди 50 рублевъ и мѣшокъ сотной“. Она ходитъ и въ то же время обличаетъ „римскія ереси“. За эту проповѣдь ее постигаетъ опала: государь „на свое имя“ отписываетъ у нея половину вотчинъ. Подобная мѣра, конечно, не останавливаетъ энергичную женщину. Конфискованное имущество, впрочемъ, въ 1666 г. было возвращено Морозовой „для прошенія государыни царицы Марьи Ильиничны и для всемірныя радости рожденія царевича Ивана Алексѣевича“. И Морозова вновь „раздавала многую милостыню, многое имѣніе расточила неимущимъ, многихъ съ правежу выкупила“...

Съ новой женитьбой царя Алексѣя падаетъ значеніе партіи Милославскихъ. Это облегчаетъ развязку съ упорной

...ЗАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

боярыней. Она отказывается явиться ко двору, она отвѣчаетъ присланнымъ отъ царя увѣщевателямъ рѣшительнымъ отказомъ принять новоизданные законы: „подобало бы царю оставить меня въ покоѣ". „Множаѣ гнѣвомъ распалящеся" царь: „тяжело ей бороться со мною, одинъ кто изъ насъ непремѣнно одолѣетъ". „И бысть на верху—говоритъ жизнеописаніе Морозовой — не едино сидѣніе объ ней, думающе, какъ ее сокрушить".

Въ концѣ 1671 г. Морозову берутъ подъ стражу, съ ней вмѣстѣ идетъ княгиня Урусова. „Не умѣла ты жить въ покорeніи, а потому... изъ дому твоего ты изгоняешься. Полно тебѣ жить на высотѣ, сниди долу, встань и иди отсюда",— говоритъ Морозовой при арестѣ чудовской архимандритъ Іоакимъ. Наложили на сестеръ „желѣза конскія", на шею „цѣпи со стулами" и съ этими „юзами" отправили Морозову въ подворье Печерскаго монастыря, а Урусову въ Алексѣевскій монастырь. Имѣнія и вотчины Морозовой были конфискованы. Но все это мало дѣйствовало на Морозову,—женскую немощь отложивши и мужескую мудрость воспріявше". Арестъ Морозовой произвелъ сильное впечатлѣніе въ Москвѣ— и въ кругахъ вельможныхъ и въ кругахъ народныхъ. Недаромъ патріархъ Питиримъ обратился къ царю съ совѣтомъ: „боярыню ту Морозову вдовицу—кабы ты изволилъ опять домъ ея отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ, а княгиню тоже бы князю отдалъ: такъ бы дѣло то приличнѣе было"... Царь Алексѣй не согласился: „не знаешь ты лютости этой жены. Нельзя тебѣ и разсказать, сколько она мнѣ наругалась и теперь ругается. Кто мнѣ столько зла и великаго неудобства показалъ?"

Царь поспѣшилъ покончить съ этимъ дѣломъ, волновавшимъ московское общественное мнѣніе. Послѣдовалъ допросъ сестеръ, жестокая пытка на дыбѣ—но твердость ихъ не поколебалась. Съ выломленными руками „на стряскѣ" Морозова громко обличала „отступниковъ": „это ли христіанство, чтобы такъ человѣка мучить". Видя упорство сестеръ, „сотвори царь сидѣніе думати о нихъ". Уже былъ приготовленъ и срубъ на болотѣ, „вельми добре и чинно устроенъ и соломою цѣлыми снопами уставленъ". Все было готово къ сожженію Морозовой и ея сестры, „да бояре не потянули". Морозова была отправлена въ Новодѣвичій монастырь: здѣсь велѣно было ее держать „подъ крѣпкимъ началомъ и вла-

чить къ церковнымъ службамъ". Популярность Морозовой отъ этого гнета лишь усилилась. Къ мѣсту заключенія стекались ея многочисленные друзья и „утѣшаху страдальческое ея сердце". Поэтому Морозову переводятъ въ Хамовники къ старостѣ на дворъ. За Морозову было заступилась царева сестра Ирина: „Зачѣмъ, братецъ, не въ лѣпоту творишь и вдову эту бѣдную помыкаешь съ мѣста на мѣсто? Нехорошо, братецъ. Достойно было попомнить службу Борисову и брата его Глѣба". Царь, „зарыча гнѣвомъ великимъ", отвѣтилъ: „добро, сестрица, добро. Коли ты дятьчишь объ ней, тотчасъ, тотчасъ готово у меня ей мѣсто". И Морозову по царскому повелѣнію отвозятъ въ 1673 г. въ Боровскій монастырь и сажаютъ въ земляную тюрьму. Сюда же переводятъ и Урусову. Но строгій стрѣлецкій караулъ оказывается недостаточно бдительнымъ—среди стрѣльцовъ много сочувствующихъ старой вѣрѣ. Для узницъ допускаются послабленія, такъ что и земляная яма кажется Морозовой „пресвѣтлой темницей". Дошли и до Москвы слухи о послабленіяхъ узницамъ, и „воскури дьяволъ бурю велію". Послѣ розыска между стрѣльцами одна изъ узницъ, Іустина, была сожжена, а боярыни переводятся въ новую земляную тюрьму, вырытую еще болѣе глубоко. Отъ голода, отъ „задухи земныя" мученицы за старую вѣру скоро отошли въ вѣчную жизнь...

Но тамъ, въ далекомъ Пустозерскѣ при устьѣ Печоры на берегу Ледовитаго океана еще томится „богатырь Протопопъ" въ такой же земляной тюрьмѣ; своимъ могучимъ словомъ, своимъ письмомъ, которое „свѣтлѣе солнца", онъ поддерживаетъ энергію, готовность томиться въ „желѣзныхъ узахъ" и бороться за „правое дѣло" у своихъ многочисленныхъ чадъ. Четырнадцать лѣтъ пребыванія Аввакума и его друзей въ Пустозерскѣ—„начальныхъ отцовъ" и „страдальцевъ"—проходятъ въ неустанной литературной работѣ, въ „книгахъ" и „отвѣтахъ", которые пишутся въ назиданіе „правовѣрнымъ"... „отъ всѣхъ четырехъ странъ".

Между Москвой и Пустозерскомъ устанавливается самая тѣсная связь; между учителями и учениками идетъ оживленная переписка. Изъ Москвы идутъ вопросы, изъ Пустозерска даются отвѣты. „Изъ темницы, яко изъ гроба", приносится „послѣднее плачевное моленіе" царю. „Братіи" въ Пустозерскѣ приходится разрѣшать сложные вопросы объ устройствѣ новой религіозной общины, отдѣлившейся отъ церкви,

разорвавшей связи съ господствующей церковной іерархіей. Надо старыя традиціи приспособить къ новымъ условіямъ жизни. И Аввакуму съ друзьями приходится отступить отъ традиціи, творчество влечетъ за собой разногласіе среди самихъ „начальныхъ отцовъ“: огнепальный Аввакумъ, привѣтствуя эти споры, способствующіе, по его мнѣнію, выясненію истины, самъ впадаетъ въ ересь съ точки зрѣнія правовѣрія. Такъ, на первыхъ порахъ зарождаются уже различные толки въ старообрядческой средѣ, такъ происходитъ разслоеніе. Въ Москвѣ упиваются „сладостью“ писемъ, но многіе уже не соглашаются съ отдѣльными мыслями учителя и склоняются на сторону другого учителя Ѳеодора. Значительно позже, въ 1693 г. письма Аввакума въ Москвѣ даже осуждаются.

Заключенные въ земляной тюрьмѣ въ отдаленномъ краѣ Московскаго государства оказываются столь же опасными для правительства—въ мученическихъ вѣнцахъ, быть можетъ, они опаснѣе, чѣмъ на свободѣ. Чтобы пресѣчь вредную проповѣдь, расходящуюся по „всей земли“, Лазарю, Епифанію и Ѳеодору отрубаютъ правыя руки и вырѣзываютъ языки. Еще съ большимъ энтузіазмомъ „живой мертвецъ“, сидя нагимъ въ земляной тюрьмѣ, обличаетъ власть мучителей христіанъ и душегубовъ. И еще авторитетнѣе становятся призывы узниковъ. Въ новое царствованіе 14-го апрѣля 1682 г. пресѣкается лишь энергичная дѣятельность первыхъ вождей раскола—по указу изъ Москвы „за великія на царскій домъ хулы“ пустозерскіе узники сожигаются. И Пустозерскъ теряетъ свое значеніе своеобразнаго центра умственной и религіозной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ постепенно и значеніе Москвы—старообрядческое населеніе бѣжитъ отсюда, бѣжитъ на окраины, въ глухія мѣста, селится среди полей и болотъ и создаетъ новые центры, къ которымъ тянетъ народная масса.

Широкой волной разливается недовольство по всей Россіи послѣ 1667 г. Поволжье охвачено разиновскимъ движеніемъ. На сѣверѣ Соловецкій монастырь поднялъ знамя возстанія—сюда бѣгутъ остатки разиновской дружины. Въ 1676 г. пали Соловки. Все очевиднѣе становится, что новые порядки окончательно восторжествовали, нѣтъ уже надежды на отмѣну Никоновскихъ „новинокъ“. Все рѣзче и оппозиціоннѣе по отношенію къ свѣтской власти становятся пустозер-

скіе призывы: „Бѣдной, бѣдной, безумный царишко! Что ты надъ собою сдѣлалъ!“—восклицаетъ Аввакумъ.

Наступаетъ антихристово царствованіе—лѣта сатанинскія. Возникаетъ, какъ мы знаемъ, и литературная полемика по вопросу: воцарился ли антихристъ, или онъ еще грядетъ. „Уже бо антихристъ въ Москвѣ родитися имуща глаголютъ, иніи же рожденна быть проповѣдуютъ“—отмѣчаетъ въ своемъ окружномъ посланіи 1672 г. патріархъ Іосифъ II. Въ литературной полемикѣ дѣло идетъ не о рожденіи реальнаго апокалипсическаго звѣря—въ антихристѣ олицетворяется опредѣленное начало: духъ времени. Никонъ и Алексѣй, по толкованію Аввакума, два рога апокалипсическаго звѣря. Два рога у звѣря—двѣ власти знаменуютъ. Начальные отцы въ Пустозерскѣ различно рѣшаютъ вопросъ объ антихристѣ въ зависимости отъ своего настроенія и отъ оцѣнки текущей дѣйствительности. Также рѣшается вопросъ и на мѣстахъ. Въ Тюмени „сынъ погибели“ уже явился—это царь Алексѣй. Изъ одного письма Аввакума мы знаемъ, что то же настроеніе проявляется и въ Москвѣ: „А о Ѳеодорѣ царѣ, за что не молите Бога — пишетъ Аввакумъ — и онъ человѣкъ, спаси его Господи“. Инокъ Аврамій — московскій дѣятель — въ „Щитѣ вѣръ“ считаетъ, что Никонъ „зѣло подобится антихристу“.

Подъ вліяніемъ такихъ разговоровъ и слуховъ растетъ пессимистическое настроеніе въ народной массѣ. Въ сгустившейся атмосферѣ разсужденій объ антихристѣ и близкомъ наступленіи конца міра развивается эпидемія самосожженія. Растутъ религіозныя преслѣдованія, растутъ фанатизмъ и экстазъ. Отъ антихриста „некуда дѣться“, только въ огонь. Самосожженіе происходитъ отъ „скорьби великія“, какъ выразился Аввакумъ. Для борьбы и сопротивленія не хватаетъ энергіи, и вотъ для того, чтобы уйти отъ дыханія антихриста, „самовольные мученики“ идутъ на костры: „огненное сіе страданіе ради немощи нашей“. Эта эпидемія гарей открывается во второй половинѣ 70 гг. Аввакумъ поддерживаетъ тѣхъ, которые рѣшаются идти въ огонь: „насильственная смерть за вѣру вожделѣнна“. „Вѣчная слава“ ожидаетъ тѣхъ, которые запечатлѣли свою вѣру „кровію мученическою“. Лучше погибнуть въ „пещи“, чѣмъ покориться требованіямъ правительства. Нельзя забывать, что эти самосожженія, уносящія десятки тысячъ жертвъ, сплошь да рядомъ происходятъ

послѣ долгой упорной борьбы, послѣ того, какъ военная команда открывала убѣжище скрывшихся отъ преслѣдованій старообрядцевъ. Послѣдніе идутъ на костеръ, потому что имъ все равно грозитъ „срубъ“, если они не откажутся отъ своей вѣры и не подчинятся церкви и правительству.

То же настроеніе царитъ въ сущности и въ Москвѣ. Оно проявляется въ обычномъ для XVII вѣка средствѣ спасаться отъ „неудобоносимыхъ“ общественныхъ тяготъ—въ бѣгствѣ. Населеніе бѣжитъ въ Поморье, Керженецъ, Стародубье, на Вятку, въ Сибирь и на Донъ.

Одно время въ Москвѣ вновь появляется надежда на возстановленіе стараго. Въ 1682 г., въ годъ погибели пустозерскихъ мучениковъ, въ Москвѣ разыгрывается первый стрѣлецкій бунтъ. Стрѣльцы давно уже недовольны своимъ положеніемъ; не разъ они проявляютъ свои симпатіи къ старой вѣрѣ и участвуютъ въ народныхъ возмущеніяхъ. И во время волненій 1648 г., и во время денежнаго бунта 1662 г. они оказываются далеко не прочной опорой Московскаго правительства. Казацкой вольницѣ, образовавшейся около Стеньки Разина, ничего не стоитъ привлечь на свою сторону стрѣлецкіе отряды призывомъ идти противъ притѣснителей-бояръ, противъ богатыхъ людей во имя осуществленія казацкаго лозунга — соціальнаго равенства и политической свободы. Успѣхъ бунта 15-го мая 1682 г. подаетъ надежду всѣмъ, кто держится „старой православной христіанской вѣры“. Среди стрѣльцовъ дѣйствуютъ монахи, участвовавшіе въ осадѣ Соловецкой обители, на стрѣлецкихъ кругахъ обсуждается челобитная о старой вѣрѣ, которая подается правительству. И, быть можетъ, самый интересный моментъ въ стрѣлецкомъ движеніи—это не требованіе публичныхъ преній о вѣрѣ для выясненія истины, требованія, чтобы всенародно учителя старой вѣры могли сказать, почему они протестуютъ противъ никоновскихъ реформъ,—самымъ интереснымъ является единодушное требованіе прекратить религіозныя гоненія. Стрѣльцы требуютъ, чтобы власти перестали „за старую вѣру людей казнить, вѣшать и въ срубахъ жечь“. Перепуганное правительство должно было пойти на уступки и допустить публичныя пренія. Тѣ, которые прежде должны были скрываться, которымъ грозилъ срубъ за приверженность къ старой вѣрѣ, торжественно выступали 5-го іюля въ Грановитой палатѣ. Сочувствіе стрѣльцовъ обезпечивало Никитѣ Пустосвяту и

его товарищамъ полную безопасность. И, такимъ образомъ, безпримѣрныя сцены видѣла Москва. Однако, торжество было не долго. Правительству удалось локализировать движеніе, арестовать наиболѣе видныхъ вождей среди рядовыхъ стрѣльцовъ. „Бунтовщики“ и „возмутители всего царства“ были казнены или отправлены въ ссылку. Стрѣльцы остались безъ руководителей, и движеніе было разбито.

Жестокія преслѣдованія обрушились вскорѣ на старообрядчество. Въ правленіе царевны Софьи въ 1685 г. издается спеціальный законъ о преслѣдованіи „раскольниковъ“: казнь, сожженіе, пытка, кнутъ, ссылка, конфискація имущества— однимъ словомъ, цѣлая система борьбы съ тѣми, которые придерживаются „прелести“, не покоряются церкви, по связи съ ней, и государству. Команды сыщиковъ ищутъ укрывшихся, и сильнѣе разгораются гари, интенсивнѣе идетъ повальное бѣгство. На Дону пришлые люди—„воры и раскольники“, „чернецы и мірскіе люди“ пытаются поднять возстаніе противъ Московскаго правительства подъ знаменемъ защиты старой вѣры. Тамъ пытаются возродить разиновское дѣло, идти на Москву и учредить казацкую „вольницу“. И другіе разбѣжавшіеся изъ Москвы „мужики грубіи и воры мятежные“, агитируютъ вдали отъ центра въ томъ же направленіи— напр., мы встрѣчаемся съ такими пропагандистами изъ числа участниковъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ даже въ глухомъ Керженцѣ. Въ 90 гг. по низовому Поволжью распространяются упорные слухи о готовящихся дѣйствіяхъ „раскольниковъ-казаковъ“. Эти слухи позже реализируются въ астраханскомъ бунтѣ 1705 г., когда главными заводчиками являлись бывшіе стрѣльцы-„раскольщики“. Изъ Астрахани искра перебрасывается въ вѣчно недовольный Донъ, гдѣ разражается Булавинскій бунтъ вновь подъ знаменемъ старой вѣры. И тотъ и другой бунты приходятся на время Петра, когда особенно вырастаютъ народныя тяготы, когда особенно сильно въ полицейскихъ тискахъ сжимается старая вѣра.

И въ Москвѣ болѣе чѣмъ неспокойно. Здѣсь въ отсутствіе Петра происходитъ второй стрѣлецкій бунтъ—послѣдняя вспышка активнаго протеста. Московская „чернь“ готовится встрѣтить возмутившихся стрѣльцовъ, которые идутъ съ литовской границы на Москву. Но этимъ надеждамъ не суждено осуществиться. Регулярныя войска подъ Воскресен-

скимъ монастыремъ подъ предводительствомъ боярина Шеина разбили мятежныхъ стрѣльцовъ.

Затѣмъ возвращается Петръ, „жаждущій мести", по выраженію иностранца Корба. Начинается знаменитый стрѣлецкій розыскъ въ теченіе 1698—99 гг., когда Петръ собственноручно десятками рубитъ головы своихъ „вѣроломныхъ подданныхъ"...

На окровавленныхъ трупахъ стрѣльцовъ Петръ утвердилъ свой престолъ. Начинается эпоха реформъ. Можно различно оцѣнивать государственное значеніе этихъ реформъ. Но одно несомнѣнно—для „низкихъ подданныхъ" всѣ реформы были связаны съ новымъ непосильнымъ напряженіемъ народнаго труда. Эти реформы коснулись народнаго быта главнымъ образомъ своей экономической тяжестью: „красныхъ днéй не видно, все рубли, да полтины". Петръ „міроѣдъ", онъ „весь міръ переѣлъ"—такъ отливается время Петра въ народномъ сознаніи. Передъ народной массой вырастаетъ фигура какъ бы новаго Никона, который во имя „нѣмецкаго" авторитета ломаетъ внѣшній укладъ жизни. Во „славу и красоту" государства московскій житель долженъ надѣть короткій нѣмецкій кафтанъ и начать бриться. Эти реформы начинаются съ момента возвращенія царя изъ-за границы—26-го августа 1698 г. Открытая борьба съ „упрямцами" лишь усиливаетъ народный ропотъ. И дѣйствительно, Петру приходится идти по раскаленному желѣзу, проводить свои преобразованія въ тотъ моментъ, когда, по образному выраженію Посошкова, милліоны тянутъ подъ гору.

Старая вѣра Петру ненавистна, ненавистна по воспоминаніямъ, ненавистна, какъ выставка оппозиціоннаго политическаго настроенія. Старая вѣра искони проявляетъ непокорность государственной власти. Старообрядчество не признаетъ государственной религіи, не признаетъ и за свѣтской властью высшаго верховенства въ дѣлахъ религіозныхъ. Для полицейскаго государства Петра церковь между тѣмъ должна служить исключительно интересамъ государственнымъ. „Божье" и „кесарево" должно соединяться въ однѣхъ рукахъ: религія—это вспомогательный институтъ „самодержавнаго" монарха: „Во всѣхъ государствахъ твердое узаконеніе и обычай своимъ природнымъ жителямъ отъ своей природной государственной вѣры отступать не допускать и отступающихъ смертью казнить"—такъ говоритъ вновь учрежденный Союзъ. „Спасеніе въ той вѣрѣ, какую исповѣдуетъ царь". Отсюда всякое рели-

гіозное разномысліе разсматривается, какъ проявленіе политической неблагонадежности. Враги церкви—и враги государства, ибо всякій, кто приравниваетъ служителя церкви и государства къ отступникамъ христіанскимъ — подрываетъ тѣмъ самымъ основы государства.

Въ старообрядческой средѣ развивается другая теорія. Заключительные аккорды проповѣди Аввакума о невмѣшательствѣ свѣтской власти въ дѣла, касающіяся религіозной совѣсти, получаютъ дальнѣйшее развитіе. „О вѣрѣ толковать" надлежитъ „не военнымъ людямъ", „увѣщевать" надлежитъ „не военному чину военною рукой". „Неволей нельзя обращать въ вѣру"... „Духовное духовнымъ разсуждается: какая же нужда царю за вѣру сажать въ крѣпость. Пускай всякая вѣра сама собой окажетъ плодъ евангельской добродѣтели"... Однимъ словомъ, „государю не слѣдуетъ касаться до вѣры".

Такимъ образомъ сталкиваются два противоположныхъ міросозерцанія, и ожесточенная, упорная борьба, захватившая уже полстолѣтія, должна продолжаться.

Враговъ государства надо „мечомъ духовнымъ и гражданскимъ истреблять". Эта истребительная политика и примѣнена по отношенію къ „расколу" въ первые годы царствованія Петра. Старообрядчество „запрещено", и застѣнки страшнаго Преображенскаго приказа наполнены „бородачами", противящимися власти.

Если во вторую половину царствованія истребительная политика по отношенію къ „расколу" какъ бы нѣсколько смягчилась,—то это происходитъ вовсе не во имя религіозной терпимости, а исключительно въ интересахъ фиска. Религія обложена податью. Записные раскольники по указу 1716 г. должны платить двойной денежный окладъ за право ношенія бороды, особой одежды и особыхъ знаковъ, за право числиться въ рядахъ „отщепенцевъ". Это подать ложится новымъ тяжелымъ экономическимъ бременемъ на народную массу...

Можетъ ли быть при такихъ условіяхъ сомнѣніе, что въ мірѣ воцарился антихристъ? Сынъ погибѣли явится въ образѣ человѣка и въ качествѣ царя—это предсказывалъ еще одинъ изъ „начальныхъ отцовъ"—Лазарь. Этотъ апокалипсическій звѣрь, чудовищный драконъ Левіаѳанъ и принимаетъ уже вполнѣ реальныя очертанія въ образѣ Петра. Петръ-антихристъ—онъ именно „седьмиглавный змій". Всѣ признаки указываютъ на него, какъ на антихриста. Только антихристъ

можетъ быть такимъ лютымъ звѣремъ. Жестокость Петра производитъ сильное впечатлѣніе на народную массу, и въ особенности массовыя стрѣлецкія казни. Кто „съ царемъ повидался, тотъ безъ головы и безъ спины будетъ". Всѣ „вы пропадете такъ же, что и стрѣльцы, всѣхъ васъ, что червей, порубятъ... на городу зубцовъ много, всѣхъ васъ перевѣшаютъ"— говоритъ одинъ изъ агитаторовъ московскихъ въ 1700 г.

Петръ надъ христіанами устроилъ „ругательства". Только антихристовымъ навожденіемъ народная Москва могла объяснить Петровскій разгулъ, столь грубо затрагивающій народныя вѣрованія. Плоская шутка надъ іерархіей въ видѣ учрежденія пьяной коллегіи, пародировавшей на улицахъ Москвы церковное богослуженіе, поселяла лишь враждебное отношеніе къ Петру. Посадскій человѣкъ Андреевъ самъ является въ 1704 г. въ Преображенскій приказъ, чтобы изобличить Петра въ разрушеніи вѣры христіанской, въ томъ, что онъ „Божью власть восхити".

Петръ—людоморъ и міроѣдъ. Послѣднее особенно ощутительно для массы, потому что оно связано съ экономическимъ разореніемъ страны.

Въ 1700 г. книгописецъ Талицкій разбрасываетъ въ Москвѣ въ народъ воровскія письма, въ которыхъ „антихристомъ ругаясь, писалъ великаго государя", „народамъ отъ него, государя, отступать велѣлъ" и совѣтовалъ не платить податей... „Въ книгахъ писано, что при антихристѣ людямъ будутъ великія тягости". Ревизія и подушная подать вызываютъ наибольшее раздраженіе: „душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая"—какъ замѣчаетъ даже горячій поклонникъ Петра крестьянинъ Посошковъ. Двуглавый орелъ и дьявольскій титулъ—императоръ, составляющій мистическое число 666 — внѣшніе признаки, указывающіе на то, что Петръ антихристъ. Онъ требуетъ присяги себѣ и накладываетъ печать антихриста на лбы и руки рекрутовъ. Печать наглядно демонстрируется — это тотъ крестъ, который накладываютъ на лѣвой рукѣ рекрутовъ для отысканія бѣглыхъ...

Легенда создаетъ цѣлую генеалогію Петра, какъ антихриста. Рука объ руку съ этими легендами идутъ легенды о Петрѣ, какъ о подмѣнномъ царѣ.

Петровская тайная полиція много разъ должна была засвидѣтельствовать распространеніе этихъ толковъ. Они всѣ

въ сущности сосредоточиваются на вопросѣ о незаконности власти, присвоенной Петромъ. Дѣла о „государевомъ словѣ и дѣлѣ“ пріобрѣтаютъ въ жизни громадное значеніе, и „раскольничьи“ дѣла тѣсно сплетаются съ политическими процессами всей этой эпохи. Слишкомъ много, говоря словами Ѳеофана Прокоповича, „неспокойныхъ головъ“, которыя „никакого установленія отъ державной власти произносимаго похваляти не хотятъ, но упрямымъ и злобнымъ сердцемъ охуждаютъ“.

Въ старообрядческой средѣ развивается и обосновывается теорія о немоленіи за царя-антихриста. Эта теорія служитъ какъ бы противовѣсомъ идеи государя — самовластнаго монарха, которую усиленно развиваетъ офиціальная публицистика въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича, автора трактата „Правда воли монаршей“. „Самовластіе“ и есть признакъ появленія „сына погибельнаго“. Петръ незаконный царь, — говоритъ одно изъ старообрядческихъ произведеній. Онъ „прелестью“ восхитилъ власть, поэтому и вознесся „паче всякаго глаголемаго бога“, не имѣя „никого въ равенствѣ себѣ, восхитивъ на себя не точію царскую власть, но и святительскую, Божью“... „Тотъ же лжехристосъ содѣла отъ гордости живущаго въ немъ духа учини описаніе народное, исчисляя вся мужска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, дабы ни единъ могъ скрытися руки его и облагая ихъ даньми веліими... Зрите, человѣцы, и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтахъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами!..“...

Подобнаго рода литературныя произведенія публицистическаго характера, тетрадки съ „веліе злохитростными и хульными мудрованіями до высокой Его Императорскаго Величества честь касающимися и государству вредительными“, становятся чрезвычайно распространеннымъ явленіемъ въ Петровское время. „Прелестныя“ и „затѣйныя“ письма разбрасываются на площадяхъ и улицахъ Москвы, прибиваются къ воротамъ и церквамъ, распространяются и книгопродавцами. Напримѣръ, въ 1723 г. у торгующихъ книгами на Спасскомъ мосту отбирается цѣлая кипа „сквернословныхъ и буесловныхъ тетрадокъ и листовъ, которые не точію противны святой церкви, но и гражданству“. Они противны гражданству, ибо люди „старой вѣры“, преимущественные распространители тогдашней нелегальной литературы, почти

всегда стараются придать народный характеръ своему протесту, они распространяютъ свои тетрадки для „пользы народа", чтобы легче отъ податей было.

Распространеніе „тетрадокъ" правительство времени Петра строго преслѣдуетъ. Нарушителямъ царской чести и возмутителямъ, „непристойнымъ образомъ" разсуждающимъ о царскихъ дѣйствіяхъ, грозитъ казнь. Въ то же время правительство издаетъ указы: не вѣрить письмамъ, напечатаннымъ „словенскимъ словомъ и складомъ словенскимъ", хотя „будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ печатались". Офиціальная публицистика вступаетъ въ то же время въ полемику съ этой нелегальной печатью: въ 1703 г. Стефанъ Яворскій пишетъ цѣлую книгу „Знаменіе Пришествія", опровергающую теорію о Петрѣ-антихристѣ. Наряду съ офиціальной публицистикой выступаютъ правительственныя сатира и каррикатура. Ей отвѣчаетъ каррикатура общественная, составители которой подвергаются „злѣйшимъ истязаніямъ". Въ лицевыхъ старообрядческихъ сборникахъ особенное, конечно, вниманіе удѣляется изображенію антихриста, семиглаваго змія, сидящаго на царскомъ престолѣ; въ этихъ изображеніяхъ легко уловить черты, напоминающія Петра. Тутъ же слуги антихриста.

Одно изъ современныхъ старообрядческихъ изображеній очень наглядно передаетъ характеръ церковной реформы: священники и архіереи приходятъ просить Петра о возстановленіи патріаршества, а Петръ имъ въ отвѣтъ. „Я вамъ царь и патріархъ". Наибольшей извѣстностью пользуется картина, „какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ". Эта „небылица въ лицахъ" дѣйствительно оригинальна и остроумна. Внѣ сомнѣнія, что эта пародія на шутовскія церемоніи, которыя такъ любилъ державный протодіаконъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора. Мыши со всѣхъ концовъ Россіи собрались отдать „послѣднюю честь съ церемоніей" — послать „проклятіе во слѣдъ нисшедшему во адъ антихристу" — лиходѣю и недругу. Похороны кота Казанскаго, ума Астраханскаго, разума Сибирскаго—знатной персоны царскаго происхожденія, какъ указываетъ титулъ, происходятъ съ подобающей торжественностью. Покойникъ былъ знатный подпивало и веселый объѣдало. И на его тризну со всѣхъ сторонъ везутъ, несутъ вино и пиво въ ушатахъ и бочкахъ. Кругомъ собрались всѣ тѣ, кто постра-

далъ при жизни покойнаго: онъ былъ нрава крутого—„когда въ живности пребывалъ, по цѣлому мышенку глоталъ"; онъ много изобидѣлъ въ жизни своей народа...

Мы видимъ, какъ всѣ пріемы агитаціи использованы для протеста противъ ненавистнаго для народной массы петровскаго гнета. Если прежде въ народной оппозиціи личность главы государства подчасъ стушевывалась за ненавистью къ боярамъ, т. е. къ людямъ сильнымъ и богатымъ; если ненависть переносилась прежде на временщиковъ: государь... глядитъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго—говоритъ одинъ изъ московскихъ агитаторовъ въ 1648 г.—то теперь самъ Петръ становится центромъ этой вражды и ненависти.

Въ подметныхъ письмахъ часто раздается призывъ: „государю этому не быть, мы выберемъ иного царя"; „неистовому царю" жить только годъ—его „изведутъ"; „лучше бы съ императора кожу сдирать, чѣмъ св. ризы и клади съ образовъ". На Петра происходятъ покушенія, а послѣ нихъ ожидается „смятеніе". И какъ часто бываетъ, ореолъ народныхъ радѣтелей окружаетъ имена лицъ, очень далекихъ, быть можетъ, по своимъ симпатіямъ отъ народной массы. Этимъ ореоломъ окружается имя царевича Алексѣя—и особенно послѣ его смерти. Царевичъ Алексѣй дѣлается тѣмъ „инымъ царемъ", царемъ народнымъ, о которомъ говорятъ подметныя письма. По существу оппозиція, ютившаяся около опальнаго сына Петра, отнюдь не носитъ демократическаго народнаго характера. Это старая придворная оппозиція, это духовенство, не прошедшее цезаро-паппистской школы Ѳеофана Прокоповича. Недовольные Петромъ, сгруппировавшіеся около Алексѣя, поддерживаютъ въ немъ помыслы о возможности переворота: „Мы всѣ ждемъ ему (т. е. Петру) смерти"—говоритъ Алексѣю его духовникъ. Но царевичъ Алексѣй—гонимый,—это и создаетъ изъ него защитника народныхъ интересовъ. Процессъ и смерть Алексѣя производитъ въ народѣ такое же сильное впечатлѣніе, какъ въ свое время казнь стрѣльцовъ. Явно, что Петръ царь не прямой, что онъ антихристъ. Только дьяволъ могъ забить кнутомъ собственными руками до смерти сына,—такъ гласитъ народная молва. Петръ „своими руками голову отсѣкъ" сыну за то, что не могъ обратить его въ „свое состояніе". Петръ убилъ сына, чтобы помѣшать ему царствовать. Еще при

жизни Алексѣя ходитъ молва, что царевичъ ведетъ борьбу съ боярами, потаковниками незаконнаго царя, что царевичъ окружилъ себя казаками, т. е. представителями старой народной вольницы. Послѣ его смерти въ старообрядческихъ кругахъ усиленно распространяется молва, что царевичъ Алексѣй живъ и „не ко многому времени явится“. Онъ уже подъ Кіевомъ съ казаками, скоро придетъ въ Москву, чтобы освободить народъ отъ иноземнаго ига, отъ царства антихриста, отъ семиглаваго звѣря. Онъ возстановитъ старую вѣру.

Насколько всѣ эти слухи имѣли подъ собой почву въ реальномъ настроеніи страны, показываетъ распространенное за границей убѣжденіе, что смерть Алексѣя неизбѣжно вызоветъ народныя волненія.

Среди москвичей, сочувствующихъ царевичу Алексѣю, исторія запечатлѣла оригинальную фигуру бывшаго подьячаго Артиллерійскаго приказа—Докукина; это былъ человѣкъ старой вѣры и врагъ нововводимыхъ порядковъ. Онъ вѣрилъ, что пришло „послѣднее время“, читая тетрадки, ходившія по рукамъ, и самъ занимался ихъ составленіемъ. Въ 1715 году онъ дѣлаетъ выписки изъ Писанія, которыя, по его мнѣнію, „противны“ Петру. Снабдивъ эти выписки соотвѣтствующими разсужденіями, онъ подбрасываетъ свое подметнее письмо на паперть у церкви Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы. Онъ дѣлаетъ это „къ народной пользѣ“, чтобы было „легче отъ податей“, какъ объясняетъ впослѣдствіи на допросѣ, поднятый на дыбу въ застѣнкѣ Петра Андреевича Толстого. Дѣло царевича производитъ на него сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ лично зналъ Алексѣя. Въ Москвѣ идетъ розыскъ сообщниковъ Алексѣя, и въ то же время требуется присяга новому наслѣднику—Петру, сыну Екатерины. Эта печатная присяга попадаетъ въ лачугу Докукина у Сухаревой башни, попадаетъ въ тотъ моментъ, когда онъ занятъ составленіемъ новаго подметнаго письма—цѣлой молитвы противъ Петра, которую онъ намѣревался прибить на площади у Троицкой церкви. Докукинъ отказывается идти къ присягѣ и рѣшается смѣло объявить о томъ самому Петру. Въ воскресенье 2-го марта 1718 г. старикъ подьячій является въ с. Преображенское и подаетъ Петру бумагу, ту самую печатную присягу, которую онъ получилъ и на которой крупнымъ почеркомъ написано: „за неповинное отлученіе и изгнаніе всероссійскаго престола

царскаго... царевича Алексѣя Петровича, пресвятымъ евангеліемъ не клянусь и на томъ животворящаго креста Христова не цѣлую и собственной своей рукой не подписуюсь и хотя за то царскій гнѣвъ на мя произоліется... за истину азъ рабъ Христовъ Иларіонъ Докукинъ страдати готовъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Докукинъ передаетъ и всѣ старыя свои „выписки", которыя должны объяснить его поведеніе...

Конечно, мужественный 57-лѣтній старикъ, столь смѣло и открыто заявившій свой протестъ, попалъ въ страшный толстовскій застѣнокъ. Послѣдовали—дыба и мучительная пытка, и, наконецъ, казнь за „воровскія письма", подстрекающія къ возмущенію.

Подьячій Докукинъ не былъ одинокъ; за нимъ стояла сочувствующая народная масса. Она сочувствовала царевичу Алексѣю, потому что онъ защитникъ сирыхъ и обездоленныхъ. Но въ этотъ ореолъ народнаго страдальца облекло Алексѣя только то, что онъ былъ какъ бы самъ въ числѣ этихъ гонимыхъ, этихъ сирыхъ и обездоленныхъ. Сочувствіе массы уже не распространяется на его сына. Сынъ страдальца за народное дѣло тотъ же антихристъ. „Духъ Петровъ" отнынѣ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка... „духъ государей россійскихъ есть духъ Петра..." И указъ о престолонаслѣдіи 1722 г. вызываетъ массовые отказы отъ присяги, несмотря на угрозы смертной казнью.

Здѣсь мы можемъ остановиться при характеристикѣ общественнаго настроенія, которое диктовала принадлежность къ старой вѣрѣ. Соціально-политическіе мотивы, какъ мы видимъ, въ значительной степени доминируютъ въ этомъ настроеніи... Но Москва, какъ одинъ изъ административныхъ центровъ, представляетъ слишкомъ неблагопріятныя условія жизни для тѣхъ „упрямцевъ", которые находятся въ оппозиціи. И эти упрямцы усиленно бѣгутъ изъ Москвы, бѣгутъ туда, гдѣ большее спокойствіе, и тамъ въ отдаленіи развиваютъ теоріи о немоленіи за царя, о царствѣ антихриста...

Однако, жизнь идетъ своимъ чередомъ. Быть можетъ, надо имѣть много фанатизма, но и много мужества, чтобы отрѣшиться отъ всѣхъ жизненныхъ требованій, чтобы пребывать какъ бы въ постоянномъ бѣгствѣ, и этимъ избѣгать оковъ и путъ антихриста. „Удалятися и бѣгати подобаетъ въ антихристово время" — говоритъ теорія, но жизнь требуетъ компромиссовъ. Утопическія мечтанія объ организаціи комму-

нистическихъ общинъ людей старой вѣры, попытки осуществленія этихъ идеаловъ разбиваются, въ концѣ концовъ, о горькую жизненную правду. Наступаетъ время компромисса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбѣжное разслоеніе разнородныхъ соціальныхъ элементовъ. Имущественное благосостояніе обезпечиваетъ религіознымъ отщепенцамъ болѣе или менѣе нормальное существованіе въ томъ государствѣ, которое они въ принципѣ отрицаютъ. И „расколъ" какъ бы все свое вниманіе сосредоточиваетъ на накопленіи капитала. Эсхаталогія не по душѣ купцу, который начинаетъ играть все большую роль въ старообрядческихъ общинахъ. Купецъ становится руководителемъ „раскола". При новыхъ болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, наступившихъ во второй половинѣ столѣтія, „расколъ" опять водворяется въ Москвѣ. Иванъ Алексѣевичъ Ковылинъ—московскій купецъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ, находящійся въ самыхъ дружественныхъ и близкихъ отношеніяхъ съ московской администраціей и московской аристократіей—вотъ типичный руководитель старообрядческаго общества позднѣйшей формаціи. Ковылинъ—ѳеодосіевецъ, отрицающій государство и церковь, проповѣдующій о господствѣ антихриста. Такова теорія, рѣзко расходящаяся съ практикой тѣхъ знаменитыхъ обѣдовъ, которые устраиваетъ хлѣбосольный хозяинъ для власть имущихъ въ своихъ московскихъ палатахъ. „Расколъ" теряетъ характеръ того соціально-политическаго протеста, которымъ окрашена была первая половина его существованія.

Крестьянская масса, закабаленная въ дворянскомъ рабовладѣніи, еще разъ выкинула знамя „старой вѣры", какъ протестъ противъ экономической, соціальной и политической неволи. Еще разъ подъ этимъ знаменемъ пугачевщина потрясла государство. Но это былъ лишь эпизодъ. Соціальный протестъ пошелъ по другому руслу. Онъ не разъ еще надѣвалъ на себя религіозный покровъ, но этотъ покровъ былъ далекъ отъ косной защиты только прошлаго, отъ старыхъ традицій и старой вѣры.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Отдѣленія Наук
Академіи Наук СССР

„Церковь и государство".

№ 1. **С. П. Мельгуновъ.** Наши монастыри. Ц. 40 к.

№ 2. **Его-же.** Какъ создалась въ Россіи государственная церковь. Ц. 30 коп.

№ 3. **Его-же.** Реформа отдѣленія церкви и государства въ Россіи. (Печатается).

„Свободный народъ".

(Популярная серія).

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ. Церковь въ новой Россіи.
Цѣна **20** коп.

Т-во „ЗАДРУГА",
МОСКВА, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, пер. д. 9.
ПЕТРОГРАДЪ, Гончарная, 24.

28 АПР 1959